

Глеб Иванович Успенский

«Ноль – целых!»

Живые цифры

Глеб Успенский
«Ноль – целых!»

«Public Domain»

1888

Успенский Г. И.

«Ноль – целых!» / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1888 — (Живые цифры)

«...В произведениях Успенского второй половины 80-х годов мы много раз встречаемся с резкой критикой основ буржуазной семьи и с противопоставлением ее крестьянской трудовой семье. Успенский подчеркивает при этом, что он прекрасно видит «суровую действительность народной жизни» и вовсе не идеализирует тяжкую жизнь крестьянки при капитализме, но он отделяет от этой действительности «сущность народного строя», заключающуюся, по его мнению, прежде всего в трудовой основе жизни всей крестьянской семьи и тесной связи ее с общественной, мирской жизнью всего крестьянского общества. Своим очерком Успенский хотел сказать, что трудящийся человек ни при каких обстоятельствах не может быть «нолем»...»

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

«Ноль – целых!»

1

Я надеюсь, что читатель обратит внимание на некоторые странности, допущенные мною в заголовке этой заметки: совершенно точное определение мнимой величины «ноль целых» вовсе, повидимому, не нуждается в том разъединении двух определяющих слов, какое почему-то допущено мною; это первая странность, а вторая – это знак восклицания, повидимому поставленный также совсем ни к селу, ни к городу.

Если только читатель действительно обратит внимание на эти странности в заголовке, то я надеюсь, что он, уже без всякой с моей стороны помощи, выполнит все то, что я хитроумно задумал, обставив заголовок такими хитросплетениями и загадочными осложнениями. Волей-неволей всматриваясь в эти хитросплетения, читатель, я надеюсь, призадумается, во-первых, над необычайной трудностью предстоящего мне дела – оживить, то есть в живом человеческом образе представить такую мнимую величину, как «ноль», да и не простой ординарный нулишко, ничтожество, а нечто такое, что претендует быть «целым», – это раз; а во-вторых, призадумавшись над моим трудным положением, и сам попытается подумать и определить, что бы это такое могло в живой жизни соответствовать этой таинственной математической величине?

Неужели, подумает читатель, эта мнимая величина может быть выражена в человеческом образе? Ведь если *ноль*, так, стало быть, на том самом месте, где он стоит, ровно ничего не может находиться; ноль – это пустопорожнее место, знак для указания, что там, где он находится, нет ничего, ни синь-пороха? Однако вот этот-то пустопорожний знак осмеливается утверждать, что он, это «ничто», стоит на месте целого.

Спрашивается, какое же такое может быть это целое, если оно допускает вместо себя представительство «нуля», который опять-таки ровно ничего не означает и в то же время решительно не покоряется вашим обличениям его в ничтожестве, не хочет признать себя просто нулем, а утверждает, что он какой-то особенный ноль.

Вот, вследствие такого затруднительного, даже прискорбного положения, в которое становится исследователь ни с чем не сообразной комбинации «нуля» и «целого», я и поставил в заголовке восклицательный знак: извольте-ко в самом деле поломать голову над разысканием какого-то человеческого существа, которое бы и существовало и не существовало одновременно?

Заручившись помощью восклицательного знака, вызывающего в читателе прискорбное, близкое к состраданию чувство, я без всякой утайки могу сознаться, что положение мое было в высшей степени нелепое. Коренная ошибка моя состояла в том, что я принялся искать живых нулей в народной среде. Где, как не в той среде, думалось мне, могут быть человеческие существования, определяемые пустопорожним знаком нуля, как не в этой среде наимельчайших десятичных дробей? Разве не здесь на каждом шагу попадают фигуры, существование которых положительно непостижимо? И я стал самым пристальным образом всматриваться во всякую деревенскую нищету, голытьбу, местную и прохожую, и при всей призрачности существования их, повидимому чрезвычайно близком к несуществованию, в конце концов все они не могли быть выделены из области дробей, хотя бы и в высшей степени микроскопических. И ноль, таким образом, оставался для меня тайной.

Однажды я напал на нечто, казалось мне, вполне отвечающее моей многотрудной задаче. На платформе нашей станции в лютый мороз, на железной, прокаленной холодом скамейке,

заприметил я одного человека. Человечек этот, крестьянского звания, был весь какой-то воздушный: он был маленький и тощий до последней степени; худенькое лицо, маленькие бесцветные глаза, маленькая, едва приметная бородка, такая маленькая, что лютый мороз, при всех своих усилиях, мог прицепить к ней самую ничтожную сосульку; тощие, худые, обмотанные тряпками и веревками ноги, самые нищенские лапти и коротенький старый полушубок с огромным воротом (нехватило овчины), открывавшим всю голую шею и даже почти плечи, словом, почти декольте, и, наконец, картузишко – все это было так тоще, воздушно, тонко и притом во всех направлениях проникнуто холодом и лютым морозом.

Картузишко, приплюснутый на лбу, топорщился на затылке каким-то букетом рваного сукна, точно задорный петушиный гребень; очевидно, какой-нибудь добрый человек, желая попробовать новое ружье, сказал воздушному существу:

– Ну-ко, Микитка, швырни шапку! Дай я попробую... Дам папироску!

Микитка швырнул, весело засмеялся, весело надел разбитую шапку и, получив папироску, весело пошел мерзнуть на лютый мороз. Да, было в нем, в этом воздушном, тощем, маленьком, как воробей, существе, что-то воробьино-веселое...

Заприметил я его воробьиною веселость тогда, когда он хотел своими замерзлыми руками сделать себе цыгарку. Он достал газетную бумагу и, конусообразно свернув ее, держал в руке, приготавливаясь наполнить табаком; но другая рука, которая искала в кармане табаку, находилась, должно быть, в таком комическом положении, что и воздушный человек не мог не улыбнуться. Он шумел замерзлой рукой в замерзлом кармане весьма энергично, выпихивал этот карман из-под полы наружу, хотел опрокинуть на руку все в нем содержимое, однако в конце концов ничего не добыл в этом кармане, но все-таки показал вид, что делает цыгарку, и потряс пустой горстью над пустой бумагой. Все это было так смешно, что и сам он не мог не улыбнуться.

– У тебя, – сказал я, – видно, табаку-то совсем нет?

Воздушный человечек поглядел на меня, весело улыбнулся и воробьиным голосом проговорил:

– И даже нисколько нету!..

Что-то беззаботно птичье, воробьиное, и эта худоба, и легкость всего тела, легкость взгляда, улыбка – все это заинтересовало меня с точки зрения поисков за мнимыми величинами.

«Совсем воздушный!..» – подумал я, и мне пришло в голову, что уж не это ли ноль-то целых? Человек живой, а производит впечатление чего-то почти неосязаемого. Необходимо было поближе подойти к нему, и я спросил: кто он? откуда?

Оказалось – идет из острога, куда попал «по ошибке». Служил он у купца при лавке, в чернорабочих мужиках; однажды сын купца послал его куда-то и во время его отсутствия сломал кассу и утащил деньги. Когда воздушный мужик воротился, то застал кассу разломанной и остолбенел от ужаса, а в это время вошел хозяин. Нетрудно было понять, в чем дело и кто вор; но отец, жалеючи сына, повел дело «для виду» против воздушного мужика, чтобы люди не болтали пустого про его родное детище (тоже ведь любишь!), и воздушный человек для «проформы» просидел в остроге три месяца.

– Он, купец-то, знает! – сказал весело воздушный человек. – Это он так! Какой я там вор!

Веселость, слышавшаяся в этих словах, напоминала действительно веселость птицы, находящей возможность чирикать и порхать по веткам обледенелого дерева, лишь бы играло на небе солнце. И чем дальше шел наш разговор, тем явственнее обнаруживалось птичье существование моего собеседника.

Когда я спросил его – куда он теперь идет и зачем? – то воздушное существо отвечало:

– А и сам не знаю!.. Главное – капиталу нет нисколько! да и паспорта нету, подати требуют.

Слова о податях являлись какою-то неожиданностью в общем впечатлении воздушного человека; капитала у него нет, паспорта нет, куда идет – неизвестно, нет у него ни табаку, ни одёжи, ни шапки – и вдруг какие-то подати!

– За что же ты платишь-то? – спросил я, недоумеваю.

– За две души платим!

– Один?

– Вот как есть!

– Стало быть, у тебя земля есть?

Воздушный человек подумал и весело прочирикал по-птичьи:

– Не! Мы платим *с пуста!*

Разговор о податях, готовый было разрушить мое впечатление о воздушности собеседника, благодаря последней фразе «с пуста», вновь прервал всякую связь между ним и действительностью; он опять оказался существом вполне воздушным, что и поспешил подтвердить следующими веселыми словами:

– Нам с пуста платить – самое любезное дело!.. Ежели бы платить не с пуста, так куда бы хуже было... А с пуста-то, слава тебе господи!

Все это он превесело прочирикал по-воробьиному, и если бы в самом деле был воробей, то попрыгал бы и попорхал по веткам обмерзлого дерева; не будучи, однако, воробьем, он выразил свои воробьиные желания развеселившимися глазами и скривившейся от улыбки бородашкой.

– С пуста платить лучше, чем не с пуста? – чувствуя, что я вместе с своим собеседником, после его последних слов, как бы поднялся от земли к небу и нахожусь в воздушном пространстве, – спросил я его с удивлением и с удивлением же услышал еще более веселые слова:

– Бесподобно хорошо *с пуста-то* платить!..

– Постой! – сказал я, чувствуя как бы головокружение от высоты подъема над земной поверхностью, – ты говоришь, с пуста платить лучше? То есть платить, не получая земли?

– Это самое!

– Почему же так? Ведь землю ты мог бы отдать в аренду?..

Воздушный человек засиял радостью:

– Да она болото у нас!..

Этот ответ опять как бы приблизил нас к земле.

– Болото!.. Но почему же все-таки тебе выгодно платить и без болота? Чем оно тебе мешает?..

– Да не дай бог к нему касаться, к болоту-то!

– Ты и не касайся!

– Не касался бы, так оно касается! Возьми-ко я болото – ан уж я общественник стал! С меня уж и на старосту возьмут, и на волость, и по дорожной повинности, и по мостовой, и караул, и – боже мой – чего еще!.. А как я от земли отказался, остается мне моя душа и больше ничего!.. Отдал за две порции – и знать ничего не знаю!..

И опять мы оба очутились в воздушном пространстве. Теперь уж и я видел совершенно ясно, что платить за пустое пространство и даже в двойном количестве – вещь чрезвычайно приятная.

Но потребность возвратиться на землю заставила меня сделать моему собеседнику еще один вопрос:

– А все-таки куда же ты денешься?

Лицо веселого воробья призадумалось. Подумал он и сказал:

– Боровицкие мужики звали в Питер... в балет служить...

– Куда?

– В театр... По балетной части... Машины двигать... Например, рассказывали, ежели море, так под холстиной сидеть надо, руками ее бить, толкать, чтоб волнами оказывало перед публикой... Работа легкая! адрес одного балетчика у меня при себе... Только вот капиталу нет нисколько!..

Итак, у воздушного существа оказалась возможность карьеры. При помощи начальника станции можно было помочь ему уехать в Петербург с товарным поездом. Но уже одно то, что у этого человека, несмотря на его полную воздушность и отчужденность от всего земного, оказалась возможность какой бы то ни было карьеры, положения – он уже не мог мне служить материалом для разрешения моей задачи. Воздушность, отличавшая это существо вообще от всякой связи с человечеством, конечно, весьма близко напоминала о нуле, о чем-то во всех отношениях неосязаемом и неуловимом; но раз это неуловимое может хотя и в мечтаниях прийтись куда-нибудь и как-нибудь в ряды человеческого общества, оно уже не целое, а непременно дробь и, следовательно, удовлетворяя одной половине определения мнимой величины, «нулю», вовсе не удовлетворяет другой ее половине и, следовательно, не может быть полезным в моих изысканиях.

И долго я так бился с мучившей меня задачей без всякого успеха. Какие бы воздушные, почти мнимые существования ни встречались мне в деревенской жизни, во всяком случае они оказывались дробями, то есть величинами совершенно определенными. И я решительно не знаю, каким бы образом мог я выбраться из моего затруднительного положения, если бы одно совершенно случайное обстоятельство не выручило меня из беды.

2

Неожиданное обстоятельство это заключалось в том, что я, деревенский обыватель, глаз которого привык видеть только мужика, бабу, деревенскую скотину, соломенные крыши, рваные полушубки, ухо которого привыкло слышать только речи, вращающиеся около слов «никаких способов», и мысль которого привыкла руководствоваться в понимании окружающего единственно упованием на бога, – я, захолустный человек, вдруг, по щучьему велению, очутился в один скучный зимний вечер в самом высшем обществе, в обществе самых благоухающих человеко-цветов, совершенно недеревенского строя жизни, там, где «венеч творения» имеет полную возможность чувствовать себя действительно венцом, последним словом культуры, любимым ее детищем, холемым и изобильно питаемым во всех отношениях. Словом, из одного мира – нужды, податей, навоза и соломы – я перенесся в мир довольства, богатства, шелка, блеска и всякого рода радости.

Сделалось это, повторяю, совершенно случайно. Мне давно советовали прочесть надевавший шуму «Роман графини», напечатанный в «Неделе» (№ 11 за 1887 г.); говорили, что вообще – «необыкновенно». Пьяный аптекарь в уездном клубе весь вечер неумолчно вопиял: «Превосходно! дьявольски великолепно!» И вообще вся полупьяная уездная братия размякла, разнежилась и, пожалуй, даже раскисла от каких-то неведомых ей ощущений, познакомившись с содержанием этого любопытного произведения. Словом, возбуждение умов по случаю появления в печати этого романа было так велико, что я не раз хотел было приняться за его чтение. Но деревенский недосуг, «то то, то другое», эти невидимые, неслышимые, неосязаемые истребители наших дней, месяцев, годов, десятков лет, а в конце концов и всей нашей жизни – долго не допускали меня до выполнения моего намерения. Наконец тоска в поисках за фактами для объяснения не поддающейся никакому объяснению мнимой величины до того доконала меня, что я, единственно из прямого желания забыть свои бесплодные мысли, схватился за желтенькую книжку и с первых же строк почувствовал, что я уже не в деревне, а как бы на ковче-самолете очутился в неведомой стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.